

УДК 33
DOI 10.36511/2588-0071-2021-1-98-104

Шох Маргарита Альбертовна

кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и экономической безопасности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

Margarita A. Shokh

candidate of sciences (economy), professor of the department of economics and economic security

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: margaritashoch@mail.ru

Штрауб Иван Александрович

доцент кафедры финансов, налогов и кредита

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

Ivan A. Straub

associate professor at the department of finance, taxes and credit

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: ivan-sanych@yandex.ru

**Территориальные проявления экономического кризиса
как угроза экономической безопасности**

**Territorial manifestations of economic crisis
as a threat to economic security**

Статья содержит анализ особенностей проявлений экономического кризиса, вызванного введенными ограничениями в связи с эпидемией коронавируса, дана характеристика возникших в связи с этим угроз региональной экономической безопасности и безопасности государства, обоснована необходимость разработки новой региональной политики, способствующей снижению диспропорции экономического развития субъектов Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, региональная экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, уровень социально-экономического развития, экономический кризис.

The article contains an analysis of the features of the manifestations of the economic crisis caused by the restrictions imposed in connection with

© Шох М.А., Штрауб И.А., 2021

the coronavirus epidemic, a characteristic is given of the threats to regional economic security and state security that have arisen in this regard, substantiated the need to develop a new regional policy to reduce the disproportion in the economic development of the subjects of the Federation.

Keywords: economic security, regional economic security, threats to economic security, level of socio-economic development, economic crisis.

Кризисная ситуация в экономике, сложившаяся в результате приостановки деятельности в связи с пандемией коронавируса, дает возможность с новых позиций оценить угрозы экономической безопасности страны в целом и экономической безопасности ее регионов. Это связано с тем, что именно в период кризиса зачастую более ярко проявляются проблемы, которые были не столь очевидны в комплиментарных экономических условиях. В полной мере этот тезис можно отнести и к такой проблеме региональной безопасности, как значительная дифференциация уровня их экономического развития [1, с. 202]. Всемирный банк в своем рейтинге поставил Россию на 3 позицию по региональному неравенству [2]. Усиление диспропорций территориального развития государства вследствие ограничений, потребовавшихся в связи с эпидемией, является существенной угрозой его устойчивому развитию и развитию его регионов [3].

Очевидно, что в сложившихся условиях пандемии и вызванного ею экономического кризиса подавляющая часть отраслей испытала на себе негативные последствия введенных ограничений. Если валовой внутренний продукт Российской Федерации по итогам 2020-го года сократился на 3,1%, то совсем другие результаты можно видеть, оценивая итоги по отдельным отраслям, регионам и видам бизнеса. При этом структура спада, возникшего в экономике, кардинально отличается от тех потерь, которые возникали во всех ранее прошедших кризисах. Вся история кризисов мировой экономики показывает, что в первую очередь ущерб несли предприятия производственного сектора, вынужденные сворачивать свою деятельность в связи с глобальным падением совокупного спроса. Нынешний кризис в силу специфичности своих причин, а также в силу того, что самые развитые экономики мира находятся в фазе постиндустриального развития, имеет непривычный характер: основной удар приостановки деловой активности пришелся на сферу услуг, транспорт и пассажирские перевозки. Даже в России, которая по классификации относится к категории индустриально-аграрных стран [3], наиболее существенно сократилось производство в гостиничном и ресторанном бизнесе (-25,9%), сфере культуры и спорта (-10,9%), на транспорте (-9,6%) и других организациях, оказывающих услуги населению (-14,9%) [4]. Поскольку эти сферы деятельности наименее монополизированы и конкуренция в них поддерживается благодаря большому количеству функционирующих в них малых и средних предприятий [5], то очевидно, что именно сектор малого и среднего предпринимательства понес наиболее значительные потери: около трети хозяйствующих субъектов этого сектора оказались под угрозой закрытия. Снижение деловой активности в мировой экономике и последовавшее за этим сокращение спроса на ресурсы привело к существенному спаду и в добывающих отраслях (-12,3%). Среди обраба-

тывающих производств наиболее пострадали отрасли, производящие потребительские товары длительного пользования (производство бытовых приборов, авто- и других транспортных средств, спортивных товаров, ювелирных и кожаных изделий). Обострилась ситуация в сфере занятости: количество безработных достигло рекордного уровня в 6,4% экономически активного населения, а скрытая безработица, по оценке экспертов, может и вовсе составлять 12% [6, с. 630]. Большие трудности переживает инвестиционная сфера, это обусловлено снижением доходов, а следовательно, и инвестиционной активности как в России, так и за рубежом. Эти же процессы привели и к обострению проблемы бедности: общее число российских малоимущих увеличилось более чем на миллион. Вместе с тем, очевидно, что значительные структурные изменения в экономике, вызванные пандемией, свидетельствуют о бурном росте IT-сферы, а также таких отраслей, как фармацевтика, производство медицинского оборудования, производство пищевых продуктов, химическая промышленность.

Многочисленные исследования подтверждают, что отраслевая динамика экономических показателей самым прямым образом проецируется на динамику показателей состояния экономики регионов [7], то есть отраслевая структура региональной экономической системы, соотношение в ней производственного и непроизводственного сектора, отрасли ее специализации напрямую определяют сферы и масштабы потерь, с которыми столкнулись регионы вследствие коронавируса. Основными характеристиками территориальной картины негативных последствий пандемии можно назвать следующие:

— изменение территориального проявления кризисных явлений: промышленные города, в том числе относящиеся к категории моногородов, в меньшей степени испытывают давление экономического спада в связи с тем, что предприятия, расположенные в них, практически не останавливали свою деятельность, так как в основном имеют непрерывный цикл производства. В то же время крупнейшие города, имеющие структуру экономики, близкую к постиндустриальной, то есть где уже большая часть валовой добавленной стоимости создается сферой услуг, пострадали в значительно большей степени, поскольку именно здесь и был введен полный локдаун. Следует также учитывать и отраслевую структуру промышленного производства: чем большую долю в экономике региона занимает производство товаров длительного пользования, тем сильнее в нем проявления кризиса и тем дольше будет происходить восстановление экономических показателей. Это связано с падением совокупного спроса вследствие кризиса, поскольку снижение доходов населения заставляет людей в первую очередь сокращать потребление именно этой группы товаров. В качестве примера можно привести Воронежскую область, где доходы бюджета формируют в основном атомная станция, производство минеральных удобрений и пищевая промышленность, в результате чего бюджет 2021 года область смогла закрыть даже с профицитом;

— усиление тенденций в структуре региональных экономических систем, сложившихся до кризиса 2020-го года. Общеизвестно, что критические состояния улучшают положение тех субъектов, которые имели более сильные позиции, и ухудшают положение тех, у кого имелись значительные негативные проявления. В полной мере это относится и к региональным эконо-

мическим структурам, которым практически повсеместно свойственно неоптимальное состояние. Еще в период прошлого экономического кризиса исследования показали, что наиболее оптимальным следует признать такую структуру, где обрабатывающая промышленность производит около 20% валовой добавленной стоимости, финансовые услуги — около 25%, сфера обслуживания (торговля, рестораны и гостиницы) — около 15% [8]. Очевидно, что строго выдерживать такое соотношение практически невозможно, но чем более реальная структура отклоняется от оптимальной, тем более уязвимой для кризисных явлений она становится. Диспропорции в структуре региональных экономических систем усилились в тех субъектах, где они уже были неоптимальными, и это способствовало более глубоким проявлениям кризиса (низкая доля сектора здравоохранения и социальных услуг в общем объеме региональной валовой добавленной стоимости, свидетельствующая об ограниченной доступности медицинской помощи, напрямую коррелирует с высокой избыточной смертностью — Дагестан, Тыва, Республика Коми и т. д., высокий уровень спада в регионах, где неоправданно значительную долю экономики занимала торговля — Липецкая, Сахалинская, Тюменская и Свердловская области, Краснодарский и Хабаровский края, Республика Мордовия). Субъекты Федерации, имеющие более сбалансированную региональную экономическую структуру и дифференцированную деятельность, несут меньшие потери, обусловленные кризисом (Республика Татарстан);

— изменение структуры занятости в экономике. Одна из мер поддержки, предусмотренная постановлением Правительства РФ от 27 марта 2020 года № 346 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год», предполагала повышение пособия по безработице тем, кто потерял работу. Практически сразу это сказалось на количестве официально зарегистрированных безработных: так, в республиках Северного Кавказа их число возросло более чем в полтора раза, при том что спад производства здесь был не настолько велик. В целом в России с середины 2019 года до середины 2020-го занятость в неформальном секторе сократилась почти на 1,9 миллиона человек. «Сравнение этой цифры с данными по сокращению общего количества рабочих мест позволяет предположить, что самый сильный удар кризис нанес по работникам неформального сектора», — заявили во Всемирном банке [9, с. 120]. Изменение статистики количества зарегистрированных безработных в данном случае можно рассматривать как косвенное подтверждение доли занятых в неформальном секторе: наибольшего значения она достигает в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (50—60%), в центральной России — это Мордовия, Пензенская область, Брянская, Ивановская, Тульская, Оренбургская, Волгоградская области (15—25%), существенное значение неформальная занятость имеет в Приморском крае, Республике Крым, Краснодарском крае, Калининградской и Смоленской области (более 10%). Очевидно, что в основном это регионы, имеющие низкий уровень социально-экономического развития, а также регионы, ориентированные на производство и переработку сельскохозяйственной продукции, на приграничную торговлю и туристический бизнес, именно в этих отраслях концентрируется теневая занятость. По-видимому, введенные в экономике ограничения не окажут влияния на численность занятых в сельском хозяй-

стве, в то время как те, кто был занят в торговле и сфере обслуживания, будут вынуждены искать другую сферу деятельности. Кроме этого, значительная доля теневого сектора экономики является серьезным препятствием для получения мер государственной поддержки, вследствие чего восстановление этих отраслей, а следовательно, и региональных экономик, которые от них зависят, будет более продолжительным. В то же время существенную роль в изменении структуры занятости играет и доля работников, занятых в бюджетной сфере. Сокращение занятости здесь фактически не произошло, поэтому доля государственного сектора в общей структуре занятости увеличится, а для регионов, где эта доля особенно высока (Тыва, Республика Алтай, Камчатский и Забайкальский края, Магаданская и Мурманская области и т. д.) доходы работников бюджетных учреждений позволят сдерживать падение потребительского спроса и предотвратить глубокий экономический спад.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложившаяся ситуация в сфере территориальной диспропорции экономики России еще более обостряет проблему обеспечения экономической безопасности за счет оптимизации отраслевой и территориальной структуры региональных экономик.

Возможно предположить, что дальнейшее развитие экономической ситуации в регионах и перспективы выхода из кризиса будут определяться тремя основными факторами: во-первых, сложившейся эпидемической обстановкой, которую пока сложно прогнозировать: непредсказуемые мутации вируса, неопределенность вопроса о способности вакцинации предотвратить следующую волну заболевания вследствие заражений мутировавшим вирусом не снимают с повестки дня вероятность новых локдаунов и дальнейшего ухудшения в связи с этим кризисной ситуации. Во-вторых, сложившаяся структура региональной экономической системы в значительной степени повлияет на то, как быстро она будет восстанавливаться: лучшими перспективами обладают регионы с высокой долей производств непрерывного цикла и производств товаров первой необходимости. Однако быстрое восстановление не означает дальнейшего быстрого развития, более отдаленные перспективы экономического роста по-прежнему требуют институциональных реформ во всей экономике государства, и развитие экономики этих регионов вряд ли будет обгонять темпы роста экономики России в целом. В-третьих, экономическое развитие каждого региона по-прежнему будет определяться характером и объемами его финансовых отношений с федеральным центром. Непрозрачность этих отношений как никогда ярко проявилась при решении вопроса о предоставлении субъектам Федерации межбюджетных трансфертов для компенсации бюджетных потерь, понесенных ими в период локдауна. Потери региональных бюджетов за январь — сентябрь 2020 года составили 425 млрд руб., около 4% собственных доходов, а общая сумма межбюджетных трансфертов за это же время достигла 1217 млрд руб. В то время как доходы бюджетов Чечни, Дагестана и Московской области даже увеличились на 1-2% (основные отрасли в структуре экономики — сельское хозяйство и пищевая промышленность, спада практически не наблюдалось), финансовая помощь из федерального бюджета составила значительные суммы, в результате чего общая сумма доходов выросла на 30—35%. Огромные дотации получили Свердловская, Челябинская и Саратовская области, а Тюменская,

Архангельская, Кемеровская области, Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Коми — самые минимальные, не покрывающие их потери даже наполовину [10]. Особым следствием произошедших в экономике изменений следует назвать неожиданные возможности возрождения малых городов, открывшиеся в связи с массовым развитием удаленной занятости. Новая организация работы позволяет сократить зависимость от необходимости жить в мегаполисах и городских агломерациях. В связи с этим у малых городов, не имеющих проблем потери времени в транспорте и пробках, дорогой аренды жилья и тому подобных, но могущих предложить более экологичные условия для проживания, появляются новые перспективы развития.

Таким образом, подводя итог, следует признать, что кризис, поразивший экономику вследствие эпидемии, имеет не только отраслевые, но и территориальные последствия. Самое значительное из них — это усиление территориальной дифференциации регионов. Послекризисное восстановление экономики может еще больше ухудшить эту ситуацию, и это является значительной угрозой экономической безопасности как самих регионов, так и всего государства в целом. Преодоление этих угроз требует детальной разработки региональной экономической политики, учитывающей все последствия кризиса в регионах, и мер, необходимых не только для восстановления региональных экономик, но и для формирования их оптимальных структур.

Примечания

1. Шох М.А. Основы функционирования системы управления региональной экономической безопасностью // Актуальные вопросы развития современного общества: сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 200—203.

2. Россия опередила Китай, Индию и Бразилию в неравенстве регионов. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/09/2018/5baa58cd9a7947f649eea8fa> (дата обращения: 19.01.2021).

3. Чеботарев В.С., Елфимов О.М. Выработка мер адекватного противодействия стратегическим рискам Российской Федерации в сфере экономической безопасности. Н. Новгород, 2017.

4. Страны с аграрной индустриальной и постиндустриальной экономикой. URL: https://spravochnik.ru/ekonomika/agrarnaya_industrialnaya_i_postindustrialnaya_ekonomika/strany_s_agrarnoy_industrialnoy_i_postindustrialnoy_ekonomikoy/ (дата обращения: 15.01.2021).

5. Росстат представляет первую оценку ВВП за III квартал 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/108301> (дата обращения: 29.01.2021).

6. Шох М.А., Ионов В.А., Зенова Е.Н. Состояние структуры российской экономики и стратегическая роль сектора малого и среднего предпринимательства в обеспечении экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2018. № 10 (99). С. 629—635.

7. Безработный в РФ из-за пандемии. URL: <https://www.dw.com/ru/kak-rabotajut-v-rossii-centry-zanjatosti-v-jepohu-pandemii/a-55254171> (дата обращения: 22.01.2021).

8. Шох М.А., Елфимов О.М., Рудаков С.А. Дифференциация инновационного развития регионов и ее влияние на экономическую безопасность государства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-

2645. № 4 (56). Номер статьи: 5606. Дата публикации: 2018-11-12. URL: <https://eee-region.ru/article/5606/> (дата обращения: 22.01.2021).

9. Акаев А., Михайлушкин А., Сарыгулов А., Соколов В. Анализ динамики отраслевой и технологической структуры экономик стран ОЭСР // Экономическая политика. 2009. № 2. С. 116—127.

10. Credit Suisse назвал основные глобальные последствия пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/12/2020/5fe07b829a79477bd1952397> (дата обращения: 15.01.2021).

11. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов январь — сентябрь 2020 года. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/0a4/0a49d375c1a2ec1ad52c23c11de3f335.pdf#page=102> (дата обращения: 29.01.2021).

References

1. Shokh M.A. Fundamentals of the functioning of the regional economic security management system. *Topical issues of the development of modern society: collection of scientific papers of the 7th International scientific and practical conference*. Kursk, 2017. Pp. 200—203. (In Russ.)

2. Russia is ahead of China, India and Brazil in regional inequality. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/09/2018/5baa58cd9a7947f649eea8fa> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)

3. Chebotarev V.S., Elfimov O.M. Development of measures to adequately counter the strategic risks of the Russian Federation in the field of economic security. Nizhny Novgorod, 2017. (In Russ.)

4. Countries with agrarian industrial and post-industrial economies. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/agrarnaya_industrialnaya_i_postindustrialnaya_ekonomika/strany_s_agrarnoy_industrialnoy_i_postindustrialnoy_ekonomikoy/ (accessed 15.01.2021). (In Russ.)

5. Rosstat presents the first GDP estimate for Q3 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/108301> (accessed 29.01.2021). (In Russ.)

6. Shokh M.A., Ionov V.A., Zenova E.N. The state of the structure of the Russian economy, and the strategic role of the small and medium-sized business sector in ensuring economic security. *Economy and Entrepreneurship*, 2018, no. 10 (99). Pp. 629—635. (In Russ.)

7. Unemployed in Russia due to the pandemic. URL: <https://www.dw.com/ru/kak-rabotajut-v-rossii-centry-zanjatosti-v-jepohu-pandemii/a-55254171> (accessed 22.01.2021). (In Russ.)

8. Shokh M.A., Elfimov O.M., Rudakov S.A. Differentiation of innovative development of regions and its impact on the economic security of the state. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, no. 4 (56), art. 5606. Date issued: 2018-11-12. URL: <https://eee-region.ru/article/5606/> (accessed 22.01.2021). (In Russ.)

9. Akaev A., Mikhailushkin A., Sarygulov A., Sokolov V. Analysis of the dynamics of the sectoral and technological structure of the economies of the OECD countries. *Economic Polic*, 2009, no. 2, pp. 116—127. (In Russ.)

10. Credit Suisse named the main global impacts of the pandemic. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/12/2020/5fe07b829a79477bd1952397> (accessed 15.01.2021). (In Russ.)

11. Operational report on the execution of the federal budget and the budgets of state extra-budgetary funds January — September 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/0a4/0a49d375c1a2ec1ad52c23c11de3f335.pdf#page=102> (accessed 29.01.2021). (In Russ.)